

Услышав историю украинского мальчика, выкрашенного у немцев чертежи одного из участков их обороны на Днепре и передавшего эти документы нашим войскам, я вспомнил другого парнишку, совершившего такой же подвиг. Это был сын кавалерийского полка Володя Валахов, с которым нас свела судьба в 1944 году на Львовщине. Нас с братом, потерявших от семьи, тоже приютили солдаты, но полка артиллерийского. Следующая наша встреча произошла почти через тридцать лет. В Благовещенском городском Доме молодежи на вечер, посвященном очередной годовщине Советской Армии. Ко мне подошел подполковник, как оказалось, служивший преподавателем на одной из кафедр Дальневосточного Высшего общевойскового командного училища. «Помнишь, как мы встретились в лесу!» - спросил он. - Я тогда назвал вас «пушкарями», из-за чего мы чуть не подрались. Брат твой был постарше и оказался умнее нас с тобой. Поэтому мы и помирились».

Да, это был он, бывший сын полка Володя, а теперь подполковник Владимир Дмитриевич Валахов. Эту нашу встречу я вспомнил, когда работал над книгой рассказов о детях войны.

Самым большим праздником после Нового года Витька считал свой собственный день рождения. Его отмечали не только всей семьей. Родственники аж из Марьевки приезжали, а мать еще и соседки приглашала. И Витька в этот день становился настоящим богачем - то ему, бывало, матроску подарят, то - футбольный мяч, то - альбом для рисования с набором красок. Да и вооружали его гости до зубов - не только пистоновыми пистолетами, но и пугачами, стрелявшими специальными пробками и издававшими звук не хуже, чем настоящий наган. А когда садились за столы во дворе под навесом, так на них каких только угощений не было: пампушки с чесноком, фаршированная рыба, жареная утка с яблоками, пироги с творогом, с грибами и, конечно же, вареники с вишнями. И мед ставили в больших чашках: ешь - не хочу. И песни гости пели допоздна, а как отплясывали под гармошку с бубном гопака!..

В последний раз так весело праздновали Витькин день рождения в сороковом году. Потом началась война, отец ушел на фронт, и не до веселья было. А при немцах тем более. Мать только с сестренкой Райкой его поздравляли. Так было и в сорок третьем году. Ходили слухи, что Красная Армия приближается к Днепру, но они ничем не подтверждались.

Уже два месяца немцы в селе не останавливались. Бесчисленные колонны танков, самоходок и машин, битком набитых солдатами в касках со свастикой, похожей на паука, растопырившего свои отвратительные лапы, чтобы схватить кого-нибудь за горло, двигались на восток. Это чудовище, оцетинившееся стволами пушек, минометов, автоматов, рыча великим множеством моторов, (опять же по слухам) ползло в район Курска, чтобы нанести там решающий удар советским войскам и, совершив прыжок на северо-восток, всей тяжестью своего омерзительного тела раздавить Москву. Только на короткое время фашисты делали привалы, чтобы передохнуть, поесть и залить водой радиаторы машин.

В начале августа вся эта гигантская машина покатила назад, и дед Макей торжественно объявил:

- Сломал зубы ермавец на той Курской дуге. Теперь, надо думать, скоро

троил его за кустами крыжовника, и фрицы не догадались заглянуть туда, а то давно бы уже сожрали его «ферму». Когда он вернулся во двор, там уже ждала его мать.

- С днем рождения тебя, сынок! - сказала она, протягивая ему отцовские карманные часы на серебряной цепочке.

- Зачем это? - смутился Витька. - А ну, как тато вернется?

- Это тебе и от него подарок. Вернется - новые себе купит. - И глаза ее затуманились слезами. - Только бы вернулся, - вздохнула она.

Из-за ее спины появилась Райка.

идти. Успеешь еще насмотреться. - И они спустились с крыши.

После завтрака Витька, прихватив подарки, помчался к своему другу Кольке Резнику. Увидев болтавший на груди друга бинокль и блестящую на животе цепочку, тот вытаращил глаза и обалдело молчал.

- Имениник я сегодня, - пояснил Витька.

- А эт-то ш-ш-то? - заикаясь, спросил Колька.

- Подарки, - небрежно бросил Витька и вытащил из кармана часы.

Дружок его дотронулся пальцами до серебристой крышки и ухмыльнулся.

- Ты чего? - удивился Витька.

наши к Днепру подойдут. Вон как бегут! Как волки от облавы.

Но 21 августа, в самый Витькин день, одна немецкая часть все-таки остановилась в Черешневке и, видать, надолго. Этот вывод дед Макей сделал из того, что гитлеровцы основательно расквартировались и на столбе перед домом старосты, предателя и душегуба Кузьмы Чалого, повесили громадный громкоговоритель.

Вечером накануне мать сказала:

- Завтра твой день, сынок, да только отметить нечем. Разве что картошки сварим. Пампушек с чесноком испеку: муки еще немного осталось.

- Ничего, мама, - успокоил ее Витька, - я утром потрясу верши, может, поймается что, так и рыбы еще нажарим.

- Жарить-то не на чем. Сегодня последней олией борщ заправила.

- Ну, тогда юшки сварим.

- А сколько тебе лет завтра исполнится? - спросила у него младшая сестренка, черноглазая непоседа Райка, которую за чернявость и неукротимую веселость чуть ли не с рождения все называли цыганкой.

- Четырнадцать будет, - важно, по-взрослому ответил Витька.

- А я приспала тебе подарок, - таинственным голосом сообщила Райка.

- Придумываешь, - равнодушно буркнул Витька. Нашла какую-нибудь ерунду на дороге.

- А вот и нет, не на дороге! - оскорбился сестренка, и он пожалел, что обидел ее своим равнодушием.

Проснувшись чуть свет и сбегав на ставок, он вернулся домой мрачный и злой. В ведре плескались два караса и несколько мелких рыбешек - верши кто-то потряс до него. Чтобы не будить так рано мать - за день еще наместа, - он не стал заходить в хату. Послышался по двору, потом нарезал в саду травы для кролей и бросил ее в крольчатник. Хорошо, что Витька ус-

- А вот и мой подарок, - сверкнула она на брата своими жгучими цыганскими глазами и вложила в его руки какой-то предмет в кожаном чехле.

Витька даже рот раскрыл от неожиданности, а затем, оправившись от удивления, обрадовался:

- Бинокль! Как же он к тебе попал?

- В бузине нашла, - гордо сообщила девочка и добавила с упреком: - А ты говорил - ерунда.

- Молодец, молодец! - похвалил ее брат и неумело поглядел Райкины черные, с синим отливом волосы.

Пока мать готовила завтрак, Витька выбежал за калитку, но, убедившись, что улица еще пуста и некому показать подарки, забрался на высоченный ясен, приложил бинокли к глазам и посмотрел туда, где виднелась чуть заметная полоска Днепра. Издалека похожая на голубую Райкину ленту река вдруг приблизилась и оказалась очень широкой и величавой. Потом, взглянув на дорогу, он отчетливо разглядел вдалеке валяющийся на обочине разбитый грузовик. С высоты вдвое больше без бинокля его даже заметить было невозможно.

Снизу до него донесся тоненький голосок Райки:

- Вить, можно я к тебе залезу посмотреть в бинокль? Я сама не смотрела - для тебя его берегла.

- Сорвешься еще, отозвался Витька. - Я сейчас слезу и пойдем со мной на сарай. Там безопаснее.

Он первым по лестнице забрался на крышу сарая и затащил туда сестренку. Удерживая двумя руками бинокль, она поднесла его к глазам и восторженно закричала:

- Ой, как видно все! Вить, ты видишь собаку, что бежит по мосту?

- Ты что, это ж далеко, - сдержанно улыбнулся он.

- А я вижу.

- Это потому, что в бинокль.

- Дети, за стол! - позвала мать.

Райке хотелось еще и еще смотреть в бинокль, но брат строго сказал:

- Раз мамка зовет, надо

- Да так, - ответил тот. - Чудной ты какой-то. И на буржуя похож, и на фрица тоже.

- Ну, ты! - пригрозил оскорбленный имениник. Как дам тебе сейчас и за буржуя, и за фрица! - и он показал кулак.

- Да я шутя, - поспешил заглядеть свою вину Колька, зная, что Витька сильнее его и с ним лучше не связываться.

Потом они немного помолчали, что означало полное примирение, и пошли за село, чтобы хаты и деревья не мешали им с помощью бинокля охватывать взглядом расстояние, недоступное для невооруженного глаза.

Они взбирались на разбросанные по степи курганы, залезали на тополя, стоявшие кое-где у дороги, и не заметили, как солнце поднялось в зенит. А тем временем со стороны Днепра, рыча моторами и поднимая столбы пыли, в Черешневку вкатились гитлеровцы. Возвращаясь домой, Витька увидел возле своей хаты две легковые машины и грузовик, с которого немцы снимали какие-то тяжелые ящики. Он остановился, что-то соображая, потом перемахнул через забор возле хаты деда Макея и зашел в свой двор с огорода. Мать с Райкой переносили в сарай подушки, одеяла и кое-какую домашнюю утварь. Витька понял - хату заняли фрицы, а они теперь будут ютиться в сарае. «Сволочи, из родного дома выгоняют!» - подумал он. - Ну, погодите, поплатитесь вы за это!» - и глухая ярость заколотала в мальчишечьей груди.

- Не приходи к хате, - попросила его мать, - уж больно злые они.

Днем и ночью через Черешневку к Днепру шли машины, груженные камнем, бетонными плитами и щебенкой. Туда же тащили пушки, минометы и прожекторные станции. Было ясно, что немцы на берегу Днепра сооружают мощную оборону - готовятся к застоянному бою с наступавшей Красной Армией.

С тех пор, как в хате Марии Мостовой располо-

жились гитлеровцы, ребята встречались за огородами - во двор Колька заходить опасался, да и Витька предупредил его:

- Видать, в нашей хате ихний штаб стоит. Охрана никого, кроме нас, во двор не пускает. Так и ты гляди: спать могут.

С утра они уходили в посадку и, пройдя километра четыре вдоль дороги, останавливались в том месте, откуда хорошо просматривался довольно большой участок днепровского берега. В бинокль им была видна вся панорама строительных работ - возведение земляного вала, устройство дзотов и других земляных сооружений.

и складывал их в зеленую папку. Уходя из комнаты, он клал папку в железный шкаф и, дважды повернув ключ в замке, прятал его в нагрудный карман. «Важные, наверно, бумаги в этой папке», - подумал Витька и решил удвоить внимание к майору.

На третий день часов в двенадцать в огороде раздался призывный свист. Мигом оглядев двор и убедившись, что за ним никто не наблюдает, он в два прыжка очутился на крохотном пятачке, где стояла желтеющая кукуруза. Раздвигая грубые, отягощенные початками стебли, Колька молча предложил ему лечь рядом. Витька нехотя опустился на землю и недовольно буркнул:

- Приперся все-таки. Никакой конспирации, шляпа!

- А ты не рычи, - огрызнулся Колька. - Новость важная есть.

- Какая еще новость? - хмыкнул Витька.

Колька облизнул сухие губы и зашептал:

- Старостина Манька говорила нашей Валюхе про своего ухажера Семку.

- Ну и что? На кой тебе нужен этот Семка?

- Так полицай же он.

- Ну и что? Все знают этого предателя.

- Так он говорил Маньке...

- Чего говорил? - раздраженно спросил Витька.

- А то и говорил, - обидевшись на пренебрежительный тон друга, почти выкрикнул Колька, - что немцы в какую-то трубу вчера видели наших разведчиков.

- Где видели? - насто-рожился Витька.

- Известно где - на той стороне.

- А может, брешет Манька?

- Может, и брешет, - согласился Колька. - Только Валюхе она брехать не будет - подруги они.

- Ну, вот что, - озабоченно сказал Витька, - некогда мне лясы точить. Чеси домой, а если еще что услышишь, приходи. Понял?

Понял? Понял, - буркнул Колька, огорченный тем, что товарищ старается побыстрее избавиться от него. Через минуту его рыжая голова уже мелькала за огородом деда Макея.

«Значит, наши уже близко!» - радостно подумал Витька. - Капют теперь вам, фрицы проклятые! Но, вспомнив мощную оборону фашистов, вздохнул: «Эх, рассказать бы нашим и про земляной вал, и про дзоты, и про редкие пулеметные гнезда на флангах. Днепр у Черешневки широкий, переплыть сил не хватит». И вдруг его осенило: камера! Камера, которую они с Колькой еще весной сняли с колеса машины, брошенной немцами при въезде в село. «Если ее накачать», - рассуждал он, - то запросто можно переправиться на тот берег. А где взять насос? Придется надувать ртом. Долго, конечно, но ничего не поделаешь. Только все нужно сделать заранее, чтобы, как стемнеет, сразу отправиться в путь».

На противоположном фланге они увидели такую же картину, и походы было решено прекратить.

Два дня Витька не выходил со двора - наблюдал за гитлеровцами и с помощью бинокля через окно изучал обстановку в большой комнате. Там, склонившись над столом, двое младших офицеров что-то чертили на листах желтоватой бумаги. Сидящий поближе к окну усатый майор в мешковатом мундире проверял чертежи

(Продолжение следует)

(Продолжение.)

Начало в № 19(279)

Когда Витька вытащил камеру из-под кучи хлама в углу сарая, мать спросила:

- Ты чего делать надумал?

- Лодку сделаю. Может, на глубине что поймается.

Он взял большую веревку, набрал дощечек по размеру камеры и отправился к Днепру. Там, в зарослях маслины, он надул камеру, привязал к ней сооруженное из дощечек дно, покрыв его брезентом, сделал весла и все свое нехитрое хозяйство спрятал поближе к берегу. Затем он пришел домой, пообедал супом с лебедой и снова занялся своими наблюдениями.

Перед закатом свет солнца, как расплавленное золото, затопил весь двор, сад и заискрился на стеклах окон хаты. Немцы заканчивали работу и собирались идти на ужин (офицерская столовая находилась в бывшем детском саду). Один майор оставался на своем месте и никуда не торопился. Он просматривал содержимое своей зеленой папки и курил. «Что же придумать? - лихорадочно соображал Витька. - Если бы этот усатый черт хоть на минуту куда-нибудь вышел и оставил папку на столе...» Но вот уже и смеркаться начало, а немец никуда не уходил и продолжал заниматься бумагами. Вот он зажег керосиновую лампу, постоял у приоткрытого окна и снова сел за стол. Витька в бешенстве сжал пальцами бинокль так, что под ногтями побелело. Майор сидел в задумчивости еще несколько минут, затем сложил бумаги в папку, встал и открыл железный шкаф. И в тот момент, когда он клал папку на обычное место, у калитки остановилась машина. Из нее выскочил офицер с пулей влетел в хату. Витька, конечно, не понял, что он прокричал прямо с порога, но отчетливо услышал слово «генерал». Рука майора, закрывавшая шкаф, так и застыла в воздухе. Потом, забыв вытащить ключ из замка, он сорвался с места и вслед за посыльным побежал к машине. Когда мотор взревел и немцы уехали, Витька змеей скользнул по двору, влез в окно и повернул ключ в сейфе. Дверца распахнулась, и в ту же секунду зеленая папка оказалась в его руках. «Только бы не сразу, только бы не сразу они вернулись», - твердил он про себя, добравшись до посадки и продираясь через заросли маслины. - Успеть бы добежать до берега, а там...»

От бега и от волнения мальчишеское сердце билось так, что казалось вот-вот выскочит из груди. Бинокль и папка мешали ему отводить от лица колючие ветки, и они больно хлестали по щекам и глазам. Босые ноги то и дело насккивали на острые сучья, но он бежал, бежал, твердя одно только слово: «Быстрее, быстрее!..» Наконец при слабом свете луны ему удалось разглядеть сломанный ясень. Отсюда нужно было сделать бросок через

дорогу к воде, где под вербой была спрятана оборудованная под лодку камера. Витька остановился, чтобы перевести дух и оглядеться. Вдруг где-то совсем близко послышались гортанные голоса. В то же мгновение он упал на землю и отполз в чащу. Его обуял страх, но не за жизнь, которая могла сейчас оборваться (о ней он не успел даже подумать), а за свой план, которому угрожала опасность срыва.

По дороге, держась середины, прошли двое немцев. Голоса их постепенно удалялись. Витька бесшумно подполз к ясеню и посмотрел им вслед. «Если патруль, нужно спешить», -

ла жажда. Где-то впереди, нырнув под деревянный мосток, дорогу пересекала речка. Летом она часто пересыхала, но Витька надеялся на удачу, и эта надежда его не подвела. Вскоре в лицо ему пахнуло свежим ветерком, а затем послышалось бульканье воды. Он бросился бегом на этот спасительный звук и минуты через две, встав на четвереньки, припал пересохшими губами к прохладной влаге. Он пил долго, не отрываясь, забыв про все на свете, ощущая только одно - как его тело становится легким и упругим от возвращающихся сил.

Оторваться от воды его заставил приближающийся

зентом, и грузовик с двумя пулеметами в кузове. Людей было немного. Увидев его сидящим, они все подошли к нему с явной надеждой узнать какие-то необыкновенные новости.

- Ты откуда взялся, парень? - спросил высокий плечистый человек в портупее.

«Это командир», - решил про себя Витька и ответил: - Из Черешневки я.

- А здесь как оказался?

- Вон принес вам. - Он показал на сверток, лежавший рядом.

Человек в портупее наклонился, развернул клеенку, и в его руках оказалась зеленая папка. Он развязал тесемки, взглянул на бума-

представлении храбреца к награде. - И, подумав, добавил: - К ордену Красной Звезды.

- Есть, товарищ генерал! - обрадовался Кубанцев. Приказ командира совпал с его собственным намерением.

- А пока, - сказал генерал, усаживаясь за стол, - приведите его в божеший вид: отмойте, переоденьте и обязательно обуейте. Вероятно, придется отправить мальчика в тыл до выяснения судьбы его семьи.

- Нет, не хочу в тыл, - запротестовал Витька и решительно заявил: - Я с вами вернусь домой.

Генерал и майор переглянулись и рассмеялись.

кие укрепления обрушила советская артиллерия.

Высадившись на сухой пятачок под огромной скалой, автоматчики притаились, надеясь на то, что ракеты вот-вот погаснут. Но фашисты выбрасывали и выбрасывали в небо огненные снопы, чтобы не дать сомкнуться темноте ни на минуту.

Тогда командир взвзда, сам оглушенный громом непрерывающейся канонады, крикнул Витьке в самое ухо:

- Надо идти, Витек! - и показал на большой моток добротной веревки.

Витька кивнул, сделал из веревки петлю и, приладив ее к своему ремню, начал карабкаться по крутому каменному склону. Добравшись до огромного пня, торчавшего над обрывом, он накиннул на него веревку, и по ней тот час начали подниматься остальные.

Ориентируясь по звуку пулеметных очередей, автоматчики подавили несколько огневых точек противника, а затем, пробравшись посадкой к дзотам, атаковали их с тыла. Таким же образом были обезврежены и две фашистские батареи, которые вели бешеный огонь по левому берегу.

Тем временем советская артиллерия, уже приговорившая к смерти оборону гитлеровцев, крушила и перемалывала бетонный гребень, возвышавшийся над многокилометровым земляным валом. Под прикрытием этого ураганного огня войска Воронежского фронта продолжали форсирование Днепра и обрушивались на врага, не давая ему опомниться.

Взвод автоматчиков, в котором Витька получил боевое крещение, значительно поредевший, но выполнивший поставленную задачу, подхваченный мощной волной стремительной атаки, на рассвете ворвался в Черешневку. Село было цело. Немцы сожгли только хату Марии Мостовой.

Витька, не добежав до калитки, прыгнул во двор прямо через плетень и закричал, холодея от предчувствия страшной беды:

- Мама! Где ты, мамка!

Ему никто не ответил. До слуха доносилось только уханье орудий да громовое «Ура!», катившееся вслед за убегающим врагом. Он постоял еще с минуту, потом бросился на улицу и столкнулся с дедом Макеем, стоявшим у своей калитки.

- Дедусь, а где моя мамка с Райкой? - схватил он за руку старика.

- Остынь, неслух! - остановил его старый Макей. - Сестренка твоя у нас. А вот мамку... мамку каты проклятые... - и он отвернулся, не в силах сдерживать подступающие слезы.

Земля под ногами у Витьки качнулась, и он, чтобы не упасть, одной рукой ухватился за ствол молоденькой березки. В это время чьи-то тонкие, горячие руки обвили его шею, и на плечо упала маленькая вздрагивающая головка.

(Окончание следует)

подумал он. - Пока вернусь, успею проскочить». - И он, глотая пыль, пополз через дорогу. Еще несколько секунд, и до его слуха донесся ленивый плеск воды.

Завернув папку и бинокль в припасенную еще днем клеенку, он положил сверток на покрытое брезентом дощатое дно, прикрученное к камере крепкими веревками, затем спустил свое «суденышко» на воду, осторожно сел в него и оттолкнулся не совсем удобными веслами, сделанными также из дощечек. Управлять такой лодкой было довольно трудно. Камера то норовила плыть по течению, то разворачивалась. Но постепенно он приспособился, взял немного наискосок, чтобы помогало течение, и погреб к противоположному берегу с одной мыслью: не вернуться бы.

Сколько времени продолжалось это необычное плавание, сказать трудно. Витька чувствовал, что ноги его от неудобного сидения затекли, а самодельные весла вот-вот вывалятся из отяжелевших рук. Но впереди, в темноте, чуть-чуть разбавленной голубоватым лунным светом, начали вырисовываться смутные очертания прибрежных круч. «Уже близко!» - обрадовался он и несколькими энергичными гребками выбросил свое славное суденышко на мель. Потом, шатаясь, вышел на берег, присел на холодный песок под большим валуном, но, почувствовав, что его одолевает сон, подался немного вперед и смочил лицо прохладной днепровской водой. «Надо идти искать наших», - приказал он себе, отыскивая место, где можно спрятать камеру. Она сослужила ему хорошую службу и, как знает, может, еще пригодится.

Рассвет застал его у поворота на Марьевку, до которой оставалось километров пятнадцать. Теперь идти по дороге было опасно, и он решил двигаться дальше зарослями бурьяна, густо покрывавшими брошенные поля. Хотелось есть, но особенно донима-

откуда-то противный, напоминавший вой сирены звук. Он отполз под прикрытием лозняка и взглянул на небо. Там, словно раскачиваясь на невидимых веревках, медленно проплывала «рама», делая большие круги над пустынной степью.

Когда снова стало тихо, Витька берегом пробрался к мостку, огляделся и, пробежав по дощатому настилу, нырнул в густой колючий терновник. Полежал немного, пошарил биноклем по дороге и решил: «Пойду по дороге. Если что, снова укроюсь в кустах».

Солнце уже было высоко, когда далеко впереди появилось большое пыльное облако. Витька перемахнул через кювет и залег в терновнике. Через минуту мимо промчался немецкий грузовик, из кузова которого длинными очередями строчил пулемет. «От наших отстреливаются, гады!» - закричал торжествуя Витька. - Значит, они гонятся за фрицами, значит, уже близко!»

Он выбрался из своего укрытия и пополз по дну кювета, но не выдержал, выскочил на дорогу и, пригнувшись, помчался вперед. Тяжелый бинокль, свисавший ниже груди, больно колотил по животу, босые ноги крошечными, но он ничего этого не замечал, бежал и бежал туда, где вдалеке уже маячили какие-то фигуры. «Еще, еще немного!» - приказывал себе Витька, чувствуя, что силы его на исходе. «А вдруг они уходят назад, и я не догоню их...» - испугавшись этой мысли, он закричал:

- Подождите, подождите и-и-те! Я уже не могу-у-у!..» - из глаз хлынули слезы, и он упал прямо на пыльную дорогу.

...Очнувшись Витька от ощущения холода. Когда открыл глаза, увидел, что лежит на траве, и человек в пилотке с красной звездочкой поливает его шею и грудь водой из фляги.

- Ожил, герой! - прогудел над ним добродушный басок.

Витька сел и огляделся. Поблизости стояли две машины: легковая, крытая бре-

ги и повернулся к молодому голубоглазому бойцу:

- Ивкин, посмотри, что это за документы.

Тот перелистал содержимое папки и воскликнул:

- Товарищ майор, здесь рабочие чертежи одного из участков днепровских укреплений с описанием их расположения!

- Ну, дела, - поразился майор. - Как все это попало к тебе? - обратился он к Витьке и опустился рядом с ним на траву.

Витька подробно рассказал о том, как они с Колькой наблюдали за возведением фашистской обороны у Черешневки, как ему удалось выкрасть зеленую папку и переправиться через Днепр. Когда он закончил, майор взял его за плечи и сказал:

- Ты даже не представляешь, парень, что ты для нас сделал! К награде тебя за это представим.

- Да чего уж там, - смутился Витька и покраснел.

- Представим - это точно. А пока поешь тебе надо. - И майор, поискав кого-то глазами, позвал: - Старшина, ко мне!

- Слушаю! - откликнулся тот самый человек, который отливал Витьку водой.

- Возвращаемся в полк. Чтобы не терять время, парня накормите по дороге.

- Есть накормить парня! - ответил старшина.

Когда начальник полковой разведки майор Кубанцев доложил о документах, принесенных с правобережья украинским мальчиком, командир дивизии приказал: - Приведите его сюда.

Кубанцев вышел и через минуту вернулся, легонько подталкивая впереди себя худого, оборванного подростка с разбитыми в кровь босыми ногами.

- Так вот ты какой, Мостовой Виктор! - поднялся ему навстречу генерал. - Герой, герой! - басил он, прижимая парнишку к широкой своей груди. - Спасибо тебе за службу, сынок. Теперь нам легче будет брать «Великий восточный вал», и потерь будет меньше. Вот что, майор, - повернулся он к начальнику разведки, - самолично подайте рапорт о

- А ты, оказывается, ершистый, - улыбнулся комдив.

- Товарищ генерал, пусть идет с нами, - вступился за Витьку Кубанцев. Возьмем Черешневку, и парень останется дома.

- Ну, ладно, - согласился генерал, - тогда сами займитесь им. - И уже тоном приказа обратился к Витьке: - И чтоб завтра красноармеец Мостовой явился ко мне в полном обмундировании для доклада.

- Есть, товарищ генерал, явится для доклада! - выкрикнул Витька.

- Молодец! - похвалил его комдив. - А теперь можете быть свободны.

А через три дня красноармеец Мостовой, обмундированный стараниями полкового портного и сапожника под руководством старшины Чубенко, вместе с наступающей дивизией двинулся навстречу своей новой судьбе, о которой он еще ничего не знал.

По замыслу командования первые боевые порядки должны были подойти к Днепру до полуночи, чтобы начать форсирование реки под покровом темноты километра на два правее того места, куда обрушит свой огонь артиллерия. И Витька в душе гордился тем, что в разработке этого плана были, вероятно, учтены и его данные о слабых флангах обороны фашистов. Он вывел взвод автоматчиков точно к тому месту, где был припрятан его «транспорт».

Через минуту управляемая им камера двинулась в обратный путь. С двух сторон, держась за веревки, плыли два бойца. Рядом бесшумно скользили две лодки и плот из нескольких бревен. Все складывалось пока удачно. Но когда до берега оставалось не более ста метров, в небо одна за другой взвились две ракеты. Они повисли над самой серединой Днепра и предательски ярким светом осветили необычную эскадру. Тишину тотчас расколол треск фашистских пулеметов, но он потонул в оглушительном громе, от которого вздрогнула земля. Это с левого берега свой губительный огонь на вражес-

(Окончание. Начало
в №№ 19-20(279-280))

- Витенька, братик! - послушал его по сердцу родной голосок, в котором прозвучали и радость встречи, и боль невосполнимой потери, и горечь сиротской доли.

- Райка, сестричка, жива! - сквозь слезы выдохнул Витька, прижимая к своей груди родное, измененное горем тело.

- Я жива, родненький, а мамку... мамку нашу они убили!.. - И они оба заплакали навзрыд.

Собравшиеся на улице люди - женщины со скорбными лицами и молчаливые красноармейцы - смотрели на горестные фигурки двух сирот и видели в них великую беду, которая называлась одним страшным словом - «война». Не выдержал дед Макей, подошел, обнял своими старыми трясущимися руками убитых горем детей и сказал:

- Будет, милье. Поплакали и довольно. Беду вашу всем миром переселим. Батяка ваш, жив будет, вернется, а пока - всехные вы теперь дети.

Они прислонились к старику и затихли, а вокруг зашумели, загомонили люди:

- Правильно, дедусы! - Не оставим сирот, всем селом поможем!

- Каждая семья родной им будет.

- Чуετε, что народ говорит? - выпрямился старый Макей.

- Чуем, диду, - глуховато ответил Витька. Но Райка снова заплакала, и у него тоже по щекам потекли слезы.

- Красноармеец Мостовой! - раздался рядом четкий голос.

Витька промокнул глаза рукавом и, увидев перед собой двух военных, подтянулся и одернул гимнастерку.

- Не к лицу солдату так расслабляться, - упрекнул его майор Кубанцев, потом

вложив свою маленькую ладошку в его огромную руку.

... Среди тех, кому вручались боевые награды за форсирование Днепра, был и красноармеец Виктор Мостовой. Сам командующий фронтом генерал армии Ватутин приколот к его гимнастерке орден Крас-

- Ну, поздравляю, гвардеец! - улыбнулся он, пожмая мальчишечью руку, - теперь мы с тобой настоящие братья - одной наградой нас отметили. Потом он обратился к Райке: - А ты, чернявая, берешь меня в братья?

- А как же! Только вы оба военные, а я вон какая. -

голос Витька. - Сами говорили, за мою мамку вместе мстить будем. - И на глаза парнишки навернулись слезы.

Командир полка подошел к нему и положил руку на плечо:

- Пойми, сынок, не в моей это власти. Командование мне голову за тебя

- Ну, вот что, - обратился после разрядки командир к майору, - пристрой его, где безопаснее всего, и, по возможности, сам присматривай за ним. Понял?

- Так точно, понял! - козырнул Кубанцев.

- А ты что понял? - спросил подполковник Витьку.

Тот тоже козырнул, вскакивая, и выпалил:

- Присматривать за ним!

- За кем присматривать?

- То есть слушаться, - сконфуженно поправился Витька, и снова все рассмеялись.

Вечером, когда поужинали у деда Макея Витькиным тройным пайком, в хату ввалился старшина Чубенко и поставил на пол мешок.

- Вот, - сказал он, вытирая вспотевший лоб, - приданное тут Раюшке - одеяла, гимнастерки офицерские. Пусть женщины сошьют девчонке одежду какую. А тебе, дед, бушлат и сапоги с портянками.

Вошел солдат и поставил рядом два вещмешка.

- А это провиант на первое время - консервы, сахар, мука и соль.

- Спасибо, братки, - строго сказал старик, выходя из-за стола. - Доглянем девку, будьте покойны. А вы кончайте ерманца да вертайтесь живые. Дел дома много. Не только дома, жизнь перестраивать надо.

Утром вся Черешневка вышла провожать своих освободителей в путь, который через огонь и грохот новых сражений, через славу и смерть должен был привести их к Победе.

добавил уже мягче: - Большое горе у тебя, Витек, но это и наше горе. Значит, вместе мы с тобой должны отомстить фашистам, а для этого нам нужны силы и твердость. Ясно?

- Так точно, товарищ майор! - сумрачно ответил Витька и приложил руку к пилотке.

- Сестренка у тебя вон какая маленькая, - вступил в разговор старшина Чубенко. - Ты теперь и за мать, и за отца. Вдвоем жить будете.

- Одна пока поживет, - твердо заявил Витька.

Майор Кубанцев понял смысл этих слов и решил не обострять ситуацию.

- Этот вопрос будет решать командование, - сказал он, - а пока, Витек, приглашай сестру отведать нашей солдатской каши.

Но Райку не надо было приглашать. Она уже пошла со старшиной, доверчиво

ной Звезды и тоекратно поцеловал четырнадцатилетнего храбреца. Стоявший в толпе Колька Резник хотел рвануться к другу, но сестра Валюха удержала его за руку и сказала на ухо что-то такое, от чего он покраснел и отступил назад. Зато Райка, как воробышек, порхнула к брату и на виду у всех чмокнула его в щеку. Смущенный Витька отстранил ее, бормоча:

- Вот еще, что придумала! Постыдилась бы.

Но Райка не унималась, дотронувшись до ордена своей ладошкой, она спросила:

- Вить, а это тебе на совсем?

- А ты думала, только поносить? Награда ведь, - солидно ответил ей брат.

К ним подошел майор Кубанцев, на груди которого тоже сиял орден Красной Звезды.

И она показала на свое старенькое платьице и босые ноги.

- Ничего, это дело мы поправим, - пообещал новый брат и уже серьезно добавил: - Теперь погуляй немного, а мы с Витьком в штаб сходим - командир вызывает.

Когда в штабе сказали, что полк завтра выступает, а он, красноармеец Мостовой, демобилизуется и останется в Черешневке, Витька умоляюще посмотрел на командира полка и попросил:

- Товарищ подполковник, не оставляйте меня. Мне надо идти с вами.

- Нельзя, брат, - ответил тот. - Годков тебе мало, а на фронте опасно, сам видишь.

- Да и учиться тебе надо, Витек, - вставил майор Кубанцев.

- Учиться буду, когда фрицев добьем, - повысил

снимет.

- Не возьмете, сам следом пойду! - решительно выкрикнул Витька, потом тихо, но с яростью в голосе закончил: - Дойду до Берлина, до Гитлера доберусь и за все с ним расквитаюсь.

Наступила пауза. Командир полка и начальник разведки не решались взглянуть на мальчишку, будто были в чем-то виноваты перед ним. Первым молчание нарушил майор:

- А может, рискнем, командир?

Подполковник отвел глаза в сторону и вздохнул.

- Все я понимаю, - сказал он раздумчиво. - А если не уберем парня?

- Не бойтесь, товарищ подполковник, я всех буду слушаться, - горячо заверил Витька, и глаза его засветились надеждой.

И это «буду слушаться» разрядило напряжение, офицеры рассмеялись.

Однажды мне досталось классное руководство в таком классе, что не позавидуешь. Две группы ребят никак не хотели объединяться! Класс был собран из ребят села Игнатьева и Чигири. До четвертого класса игнатьевцы учились в начальной школе у себя в деревне, а в четвертом их ежедневно стали привозить в среднюю школу поселка Чигири, а после занятий школьный автобус отвозил всех обратно.

Два враждующих лагеря нужно было примирить. Что могло спасти положение? Поход, только поход! Вот и придумала я собрать всех чигиринцев и отправиться в ближайшее воскресенье в поход в село Игнатьево, а там, на берегу речки Симоники, устроить походный лагерь, сварить обед на костре, поиграть в спортивные игры, походить по малознакомому селу и познакомиться ребят с его достопримечательностями.

Мое предложение было встречено радостными криками: - Ура! Ура! Поход!

Распределили: кто что возьмет с собой из продуктов, кто какие обязанности будет исполнять, выбрали время.

В последнее воскресенье сентября ребята собрались на рассвете собрались на остановке. Вышли мы из села и пошли пешком по родной земле нашей. Маршрут пролегал вдоль дорог, естественных и переезженных, а по полям, по тропинкам, через перелески и овраги, через холмы и пади. Мы увидели множество окопов, которые уже заросли лесом. Мальчишки сразу спустились в них и «заняли оборону».

- Тых! Тых! Тых! - орала одна истошно.

- Бах! Бах! Бах! - вторили им другие.

- Почему мальчишки так любят играть в войну? - подумала я. - Девочки в окопы не спускались, они осторожно ходили по уцелевшим брустверам и посматривали вниз.

- Глубокие какие! - удивленно сказала Оля.

- Да, выкопаны добросовестно.

- Откуда они? Здесь же не было войны.

- Войны не было, но мы к ней готовились, - грустно ответила я, - готовились и окапывались. Здесь проходила вторая линия укреплений. Первая - вдоль Амура. Если бы она была прорвана, солдаты бы отступили на эти рубежи.

- Да? Значит эти окопы рыли не просто так?

- А вы что, решили, что ради забавы? Чтобы вам спустя пятьдесят лет было где поиграть? А может быть, и не было здесь боевых действий, потому что такая мощная линия

ПЕЧКА

двойной обороны была создана. А давайте попробуем составить план этих укреплений!

Ребятишки шагами измерили длину окопов, расстояния между ними, нанесли их расположение на самодельную карту.

- Вот видите, здесь бы располагались огневые точки, которые надежно прикрывали дорогу.

Мы отправились дальше, вышли на трассу, немного проехали на пригородном автобусе и вскоре были в селе, где нас уже ждали ребята из нашего класса. Нас проводили в тихий уголок на берегу речки, на полянку, отгороженную от всего мира зеленым шатром из ветвей вековых ив.

Какой мы сварили обед! Как здорово поиграли в казаков-разбой-

ников! Сколько было приключений!

Уже вечерело, когда мы отправились в село, чтобы полюбоваться старенькой церквушкой, пройти по широким улицам деревни.

- А есть ли здесь в домах русская печка?

спросили дети, - так хочется посмотреть. Сколько раз в сказках читали, на картинках видели. Нам хочется узнать, какая же она на самом деле?

Нам охотно показали единственный дом, в котором русская печка еще не была разрушена. Домик был аккуратным, крылечко выкрашено. Множество окон смотрели на юг, а свет, потопом струившийся через них, делал внутреннее убранство дома особенно уютным.

Хозяйка встретила нас приветливо, показала печь и сказала, что она ей давно не пользуется. И хотя та занимает много места в доме, хозяйка не разрешает ее разрушать, потому что ее сложил брат.

Перед самой войной он построил дом и со-

бирался привести молодую хозяйку. Случилась война, на которую он ушел и не вернулся, а в доме, построенном им, стала жить она, его сестра.

Дети с любопытством рассматривали настоящую русскую печь, потом по очереди забрались на лежанку, и посмотрели на все с высоты. Я стояла в стороне и думала, что вижу самый удивительный памятник солдату, не вернувшемуся с войны, который создан его же руками и который простоял, бережно хранимый, уже полвека.

Возвращались мы домой на автобусе.

- До завтра! - кричали чигиринские ребята игнатьевским и радостно махали руками.

В автобусе все уселись на свободные места по три-четыре человека на сидение, автобус тронулся, а через несколько минут мои походы ушли. Они уютно положили головы на плечи друг другу и безмятежно спали. Автобус делал остановки и забирал новых пассажиров. Салон переполнялся.

- Я разбужу их, они уступят вам места! - предложила я.

- Тихо! Тихо! Раскомандовалась здесь! - остановил меня кто-то из

пожилых людей, - пусть поспят спокойно, видно намаялись.

- С пяти утра на ногах!

- Ранние птички. Передайте водителю, пусть на повороте будет поосторожнее, а то упадут нечаянно, испугаются, - сказал пожилой человек и, взяв за руку сонного паренька, помог ему устроиться поудобнее, - вот такими мы были, когда шла война. Однажды осенью работали в поле и так натрудились, что улеглись на сорванном бурьяне и уснули. Учительница нас с большим трудом нашла. Мы так крепко спали, что не слышали, как нас зовут.

Чудесный осенний день уходил, чтобы надолго остаться в памяти ребят осторожным прикосновением к прошлому, которое показало им и шрамы окопов на хлебном поле, и эту уцелевшую русскую печку - памятник солдату, который жил, любил, надеялся на счастье, но навсегда остался на полях сражений, и эту речь пожилого человека, может быть нечаянно услышанную ими через дымку ребячьего сна.